

Моск. новости. — 1995. — 11-18 июля. — С. 8.

КЛАССИКА

Отшумевший камыш

Послеюбилейные заметки

Из объявленных великими в эпоху соцреализма Шолохов был самым скандальным мастером госзаказа. Слухи о краже рукописи романа пошли сразу после начала публикации (и это зафиксировала «Правда» 29 марта 1929 г.), а сопровождали всю жизнь. Потом были скандальные выступления на съездах, надолго запоминавшиеся в писательской среде, чуткой ко всему, что может означать проявление скрытых тенденций к ужесточению.

На II Всесоюзном съезде советских писателей (декабрь 1954 г.) речь Шолохова прозвучала столь реакционно, что сам Суслов (!) просил Федора Гладкова дать немедленный отпор. Выступив на седьмой день работы съезда против «серого потока бесцветной, посредственной литературы», против славословий в адрес литературных генералов (которым он всегда завидовал), Шолохов затем обрушился на Константина Симонова и «Оттепель» Ильи Эренбурга, символизировавших тогда робкое начало десталинизации. Гладков объявил на другой день, что Шолохов сводил личные счеты, занявшись «зубоскальством и балаганным зоильством».

На XXIII съезде КПСС Шолохов выступил против только что осужденных Синявского и Даниэля, требовал чуть ли не расстрела.

«Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, — потрянул стариной старый солдат партии, — когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса... ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни!»

Он выкрикивал свои речи хриплым, задуманным голосом, то и дело срывавшимся, и все знали, что все его громогласные «осади назад!» — плод белой горячки и нравственной деградации. Его жизнь в Вешенской, далеко от Москвы, объяснялась, я думаю, тем, что он никак не вписывался в писательский око-

пользование Шолоховым чужой рукописи, которая была им «частично уничтожена, а частично отредактирована и восполнена чужеродными заимствованиями для придания отдельным фрагментам текста видимости единства действия и последовательности повествования» (Макаров А.Г., Макарова С.Э. «К истокам «Тихого Дона». — «Новый мир», 1993, № 6). После исследования Макаровых споры о существовании чужой рукописи и несамостоятельности Шолохова можно считать пустыми: ее наличие доказано окончательно, кража Шолоховым чужого литературного труда сомнению не подлежит. Кстати, такого рода выводы делались и ранее: в 1990 — 1991 гг. в «Даугаве» была перепечатана работа Зеева Бар-Селлы «Тихий Дон» против М.Шолохова» примерно с теми же выводами.

Для характеристики соцреалиста описанный метод работы — присвоение чужого и ухудшающая его переработка — крайне показателен. В сущности, таков весь соцреализм, основанный на попытке взять готовое и на скорую руку приспособить его к нуждам момента. Макаровы процитировали речь Шолохова на XVIII съезде партии: «Чужие сумки соберем... потому что в нашем литературном хозяйстве содержимое этих сумок впоследствии пригодится». Это не просто «собственные показания» о «литературной краже», но и объяснение соцреализма как кражи старой реалистической системы и ее переделки.

Еще более последовательно метод социалистического реализма развернулся в работе над «Поднятой целиной». Это уже Шолохов без соавторов и примесей. Отсюда два принципиальных момента. Во-первых, специфический мазохистский комплекс, который подробно описан в недавно выпущенной издательством «Новое литературное обозрение» книге Игоря Смирнова «Психодиахнонологи-

реалистический мазохизм в том и состоит, чтобы через самоотрицание и самоуничтожение прийти от реальности к «правде». Так возник роман о коллективизации, которая оправдывается писателем даже не потребностями в национализации сельского хозяйства или теориями о «первоначальном социалистическом накоплении», которые распространял с 1925 года Евгений Преображенский, а накопленной классовой ненавистью народа к «миродеду». Кулак Лапшинов, которого в романе лишают дома и условий к существованию, оказывается, и сам воровал, и ворованное скупал, и за две меры проса три брал, и все ценное запрятал задолго до раскулачивания. Поэтому самое справедливое — это его убить, чему и учила книга Шолохова. В письмах он писал об одном, в романе — о другом: это и был новый метод советской литературы.

Во-вторых, как и положено в СР, «Поднятая целина» опирается на архетипические схемы, доказывая деградацию жизни до уровня первобытных ритуалов. Злодей Яков Лукич возрождает тот самый «доцивилизационный» образ зла, который заставлял племя делать деревянного истукана и метать в него камни или дротики. Деление на кулаков, середняков и бедняков было проведено с мифологической четкостью, которой так не хватало в жизни. Что же касается деда Щукаря, то это классический трюкач, превратившийся в шута в литературе нового времени. В целом же роман описывает препятствия, которые надо преодолеть коллективу перед обрядовой вспашкой земли: необходима последняя охота на людей для окончательного перехода к земледелию. Ликвидация кулаков, а отчасти и середняков служит выполнению ритуала, а с Щукарем связаны многочисленные «смерти», символически обозначающие ритуалы перехода в иной мир (от запиранья его в доме до ложного убийства).

Даже беглые намеки на структурный анализ «Поднятой целины» как мифогенного текста обнаруживают в нем внутреннюю упорядоченность. Это примитив, выполненный в точном соответствии с канонами сельскохозяйственных ритуалов. Неудивительно, что роман так нравился Хрущеву. Шолохов «создал лучшую, правдивую партийную книгу о коллективизации...» — говорил Н.С. в 1963 г. Любопытно, что, перед тем как дать эту высокую оценку, Хрущев цитировал письма Шолохова к Сталину, написанные в 1933 г. В письмах шла речь о произволе, который творился на Дону. Но противоречия между письмами и романом, лжи Хрущев не заметил: жизнь — одно, литература — иное. Это социальный ритуал, в котором «правда» совпадает с задачей, поставленной ЦК ВКП (б), а не с реальностью.

Ни «Судьба человека», ни «Они сражались за Родину» не могут претендовать на столь же высокую оценку. Последний роман не сложился и не был дописан; повесть не содержала художественных открытий и эксплуатировала дешевые ходы. Любопытно, что «Судьба человека» по отношению к типовому сюжету разрушения семьи в «Донских рассказах» стала перевертышем: та война рассекала кровнородственные связи; Андрей Соколов, пришедший с этой войны, символично усыновлял сироту, объявляя ему, что он настоящий отец. Война оказывалась войной за доброту, якобы обретенную в боях. Другой ложью было то, что герой, служивший у немцев, после окончания войны не очутился в ГУЛАГе (не говоря о том, что изображение немецкого лагеря было в достаточной мере «оперным»). Но идеям десталинизации Шолохов не сочувствовал.

Анализ искажений, которые Шолохов внес в рукопись чужого романа «Тихий Дон», показывает культуру и образовательный уровень чрезвычайно низкие. Если не знать о краже, в образе писателя возникают сдвиг и сложность, он расслаивается и раздваивается на автора «Поднятой целины» и автора «Тихого Дона». Это была загадка, мучившая многих и являвшаяся стимулом поисков настоящего автора романа «Тихий Дон» (Федор Крюков? Иван Родионов?). После литературоведческого разоблачения, самого громкого в XX веке (особенно с учетом Нобелевской премии по литературе 1965 года), в глазах уже перестало двоиться. А довершила реконструкцию запись в дневнике Чуковского: «Шолохов был в Карловых Варах с женой и всей семьей. У источника он стоял прямо, не сгибаясь, а его жена черпала для него воду и почтительно подавала ему» (запись 22 апреля 1958 г.).

Впрочем, была (говоря словами Грушеньки) своя лукавка даже у нашего героя. Виктор Шкловский вспоминал (правда, на склоне лет), что Шолохов «много помогал» Платонову, когда великий писатель работал в Литинституте дворником. Видимо, даже Шолохову было свойственно раскаяние.

Михаил ЗОЛотоносов



Михаил Шолохов

локремлевский истеблишмент: слишком был дик, необуздан, навсегда оставшись продюсером-реквизитором по духу. Отсюда его плебейский нигилизм не только по отношению к вольнолюбивому духу русской интеллигенции, но и ненависть провинциала к московской писательской бюрократии. Отсюда общая маргинальность Шолохова и его постоянные апелляции к высшей партийной власти: сначала к Сталину, потом к Хрущеву, а на XXIII съезде к Брежневу.

Творческое наследие Шолохова легко обобщить: «Донские рассказы» (1926), «Тихий Дон» (1928 — 1940), «Поднятая целина» (1932 — 1960), «Судьба человека» (1956 — 1957), «Они сражались за Родину» (1943 — 1969). Все произведения относятся к социалистическому реализму (СР), каждое из них представляет собой вариант единого метода. Шолохов — идеальный объект для изучения СР.

«Донские рассказы» не случайно начали появляться в «Юношеской правде»: это дебют, в котором обнаружилось ученическое стремление все втолкнуть в заранее заданную модель классовой борьбы, для пушного эффекта украшенную натуралистическими деталями. Лейтмотив рассказов — крушение традиционной (патриархальной) семьи, победа классовых чувств над родственными и семейными.

«Тихий Дон» — единственное сочинение Шолохова, которое стало объектом изучения в серьезном литературоведении. Причина —

ка. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней». Смирнов в своем остроумном и местами замечательном исследовании пишет: «СР создавался и органическими мазохистами, для которых не существовало никакой альтернативы самоуничтожению и самоотрицанию, и авторами, подавившими свою прежнюю авангардистскую ориентацию...»

Смирнов о Шолохове не вспомнил, но именно «Поднятая целина» демонстрирует мазохизм в химическом чистом виде. Сначала Шолохов пишет письмо, которое было передано Сталину (не без ведома писателя) и в котором описывались все «загибы» и «перегибы». А потом сочиняет лживый, но «идеологически выдержанный» роман, воспевающий коллективизацию. Для мазохиста вполне логично.

«А вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает... Народ звереет, настроение подавленное... Я работал в жесткие годы, 1921 — 1922 годах на продрозверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое: шибко я коммиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти, а вот этиaki «делов» даже тогда не слышал, чтобы делали» («МН» №28, 1987 — письмо от 18 июня 1929 г.).

Далее Шолохов сообщал, что он и сам подавлен, что ему все опротивело. Однако соц-